

заявляется спрос на творческий почин, на инициативу и водительство, могущие быть удовлетворенными лишь творческой выдающейся личностью. «Война родит героев». По той же причине наше время — время «героев» и «героического». Спрос во всяком случае велик. Будем же надеяться, что спрос родит такое же предложение.

Ю. Тырков.

О новом человеке

...Мир у порога некой, впервые подлинно универсалистической эпохи, когда человек, осознав свои настоящие размеры, будет жить в непрерывном и живом ощущении своей раздвинутости в бесконечность, в свое фактуальной приобщенности к ней, когда в реализующемся Всеединстве раздвинутся и разомкнутся все пределы и ограничения его бесконечного существа и он ощутит себя непосредственно лицом к лицу перед реальностью Абсолютного. Тогда люди в преображенном их титанической волей гармоническом мире увидят все во всем его значении и полноте, так как не со стороны отдельного, а Общего, не со стороны конечного, а бесконечного будут на него глядеть. И обретя такой божественный способ зрения величественности и значительности всего, будут сами творить в нем все величественное и значительное...

Такова возможная вера-уверенность, свидетельствуемая всеми существенными признаками нерезжываемого человечеством в известном смысле зенитного всемирно-исторического момента. С нашим временем в мир впервые вошла категория **бесконечности**, которой древность не знала и боялась и которой все больше и больше подчиняется **внешняя** сторона всего нашего существования. Это связано с тем, что наша эпоха впервые явилась подлинным торжеством человека над Природой и ее отрицательным принципом-пространством, победа над которым, как **отрицательной категорией конечности**, есть тем самым осуществление положительной стороны этого аспекта бытия — категории бесконечности.

Но подчинив своей воле к бесконечности все свое внешнее существование, современный человек еще лишен воли к бесконечности своего существа. Последнее находит свое утверждение в вертикальном плане времени, а не в горизонтальном плане пространства. И поэтому лишь новая грядущая эра человеческого существования, которая явится возведением творческого бытия человечества в новый высший аспект **организации Истории**, победы над **временем**, будет возвышением категории бесконечности из нашего внешнего существования к нашей жизни. Ибо действительно: организация Истории осуществляемая, как преодоление времени — этой отрицательной категории Истории, есть тем самым осуществление вечности — ее положительной категории. Центральность проблемы времени с отрицательной стороны означает тем самым центральность проблемы веч-

ности и, следовательно, бессмертия — с положительной стороны. А что проблема времени становится уже теперь все более центральной, могли бы свидетельствовать наиболее значительные имена современности, как, например, Эйнштейн, Бергсон, Пруст и др. В известном смысле время есть действительно та основная величина уже современной науки, к которой, как говорит Бергсон, она относит все свои величины.

Следовательно, грядущая эра **собственно Истории** со своей центральной проблемой овладения временем, явится т. о. предельной актуализацией темы бессмертия, и тем самым вековечная мечта эта, бывшая, однако, до сих пор лишь предметом религиозных грез мифического теологического мирозерцания, впервые будет возведена на уровень своего реального осуществления.

Эта назревающая тема актуализации бесконечности существа человека, его бессмертия есть проблема его возвеличения, — основная проблема прометеевского фуригического мирозерцания. Представление о бессмертии вообще обусловлено тем, насколько возможно его реальное возвеличение. Ничтожное не может быть бессмертным как бессмертное не может быть ничтожным. Бессмертие, как таковое, соотносительно к ценности.

А между тем, современный человек, наоборот, дошел до предела своего умаления. Вся современная цивилизация, зачатая в христианстве, с его теологическим духом всеуничтожения, шла под знаком низведения, обезличения человека жбшр тжбшра ного положения во вселенной и низвел на значение ничтожной песчинки в днел. Дарвин провозгласил его низшее животное происхождение. Маркс «вскрыл» низкий, материальный источник всех его высоких идеалистических устремлений. Фрейд низвел всю психику его к грубым сексуальным инстинктам и побуждениям и т. д. В этом была общая тенденция всей, теперь заканчивающейся западно-европейской цивилизации. И человек должен быть заново открыт, должна быть обретаена вновь вся соответственная мера его величия, чтоб древнейшая изначальная тема его, которая, как сказано, с новой назревающей эпохой организации Истории, овладения временем, приближается к предельной актуализации своей, тема бессмертия, не была лишена своего внутреннего смысла. Такой источник своего величия, своей подлинной приобщенности к бесконечности новый человек познает, реально побеждая основные формы конечности — пространственной и временной, и в этой победе достигая власти над ограничивающей его необходимостью, — власти над своим **положением**, — Природой и своей **судьбой**, — Историей. Ибо побеждая пространство и время, как основные категории своей ограниченности, своего отъединения, человек в этой победе реально приобщается к единству со Всем и через него к своей бесконечности.

Все вообще, что нас окружает, может быть или нашим продолжением и восполнением или нашим ограничением и подавлением. И чтоб иметь в окружающем нас мире свое продолжение-восполнение, условие своей бесконечности, надо находиться с ним в гармоническом единстве, ибо когда такого единства нет, он становится нашим ограничением и подавлением — условием нашей конечности. Иного отношения между вещами не может быть. Но «пространство и время имеют касательство к вещам как раз постольку, поскольку они разобщают их» (У. Джемс). Поэтому в победе над пространством и временем, осуществляемой в организации Природы и организации Истории и достигается этот гармонический порядок единства, в котором человек обретает во Всем своем продолжение и восполнение, снимающее печать его ограниченности. К этому же выводу можно

было бы прийти и с любой другой стороны, существенной для организуемого Природу и Историю творчества, как реального пути преобразования мира. В пределе же все эти пути ведут к верховному принципу преобразования мира — к универсалистическому принципу **единства всего во всем**, в котором снимаются все дисгармонические отношения ограниченности и конечности. Так человек вплотную подходит к величайшей идее своего сознания, к идее единства своего со **Всем**, через которое он подлинно восходит к своей абсолютности.

...Все во мне и я во всем...

Уже древняя восточная мудрость провозгласила: Tat tvam assi, — все сущее есть ты, все «это — ты». С тех пор через все наиболее высокие и сокровенные создания человеческого духа, иногда еле уловимой, но не прерывающейся нитью проходит эта великая и величественная мысль — в самых разнообразных индивидуальных выражениях. Но только теперь в наше время, у порога торжества соответствующего ей объективно прометеевского фуританического созвония, знаменующего предельное возвеличение человека, эта великая интуиция восходит к уровню своего актуального утверждения (см. ниже). В качестве верховного принципа преобразования мира, этот гармонический принцип единства всего со всем, лишь теперь с началом ново высшей эры эсоловеческого существования, эры **собственно Истории**, с ее прометеевским фуританическим идеалом преобразования мира, достигает своего реального регулятивного значения. Как категория бесконечности, этот принцип единства всего со всем есть положительная сторона в проблеме преобразования мира, отрицательная сторона которой есть преодоление пространства и времени, как категорий конечности и раз'единения.

Отсюда назревающая актуальность полнаний бесконечности и всеединства. И к ним влечет все современное знание в самых сокровенных и значительных своих выводах. В некоторых своих положениях, в частности, Эйнштейн, дает даже прямые для этого данные. В тоже время сама по себе идея монизма могла быть сформулирована отчетливо лишь теперь.

Таким образом — вот общие рамки возможных представлений о человеке: под поверхностным **феноменологическим** пространственно-временным порядком конечности, раз'единения потенциально дремлет, лишь в нашем творчестве, актуализируемый, **онтологический** порядок бесконечности и всеединства, в котором человек есть универсальное и бесконечное существо, отношение коего к миру есть отношение тождества по формуле: все во мне и я во всем. Майерс даже считает **экспериментально доказанным**, что за кругом нашего «сознательного» Я простирается в бесконечность наше второе «сублиминальное» Я, являющееся основой первого. В бесконечности каждая точка является центром. Поэтому, точно также во Всеединстве, где все всему служит продолжением и восполнением, каждая метафизическая точка — каждый человек является центром такого Всеединства, — и следовательно, универсальным существом, Абсолютом, Богом.

Человек, таким образом, отнюдь не является ничтожной песчинкой в мире, к чему приходит в своих стремлениях развенчать его современная материалистическая цивилизация. Пребывая в основном своем, потенциально дремлющем, онтологическом существе в единстве со **Всем**, он во всем находит свое продолжение и восполнение, ограничиваемый лишь пространственно-временными отношениями конечности и раз'единения, к победе над которыми и направлена вся его безграничная титаническая воля — в преобразении мира, в организации Природы и Истории достигающая ее. Только в этом поверх-

ностном пространственно-временном феноменологическом порядке он ничтожен, как в своем эмпирическом существе, так и в своих достижениях и в своих делах. В глубине же, в онтологическом порядке Всеединства всеми вибрациями его универсального существа вибрирует вся вселенная, каждое движение его отдается в каждом атоме бесконечности; во всем, что он мыслит, делает, творит, ему в бесконечных воспроизведениях вторит все существование, каждый момент бытия. Это положение о нашем универсальном существовании находит свое подтверждение даже в данных современного **точного** знания, как и в практике основанной на ней: в радио, телевидении и пр. «Дрожание малейшего атома на Сириусе, говорит один из представителей современной механики, должно тем или иным образом отразиться во всем мире». (Чайковский — Новейшее в философии). Там же: «В каждом атоме вещества непрерывно отражается жизнь всего мира». «Все связано со всем», характеризует выводы современного знания Юшкевич. («Новые веяния»). — «Тонкая световая линия, прорывающаяся сквозь щель спектроскопа, несет с собой весть о далеких мировых переворотах на какой-нибудь звезде, имевших место, может быть, сотни лет назад. На солнце происходят атмосферические бури, и в ответ на это перестает действовать телефонная и телеграфная сеть, нарушается система сношений культурного человечества. Развитие науки за последнее время все больше подчеркивает и настаивает на этой интимной связи».

Но смутное сознание или приближение к этому сознанию, как мы говорили, можно было бы проследить, начиная с древнейших, в частности, индусских прозрений, через всю вековую человеческую мудрость, через Платона, мистику Каббалы, через Я. Беме, Ф. Баадера и затем — Спинозу, Канта, Руссо, Фихте, Шеллинга, Гегеля, Дюринга, Гюйо, Авенариуса и др. Моноада Лейбница, которая у него «на свой лад и с своей точки зрения отражает всю вселенную», нисходит через Д. Бруно, через Н. Кузанского еще к пифагорейцам. Что же касается практического проявления этого принципа Всеединства, то достаточно указать на современные чудеса различного рода «передач на расстоянии», когда человека, скажем, стоящего в одной точке планеты, может слышать и видеть весь мир. Есть, однако, радикальное различие между всеми древними проявлениями такого универсалистического отношения к миру и тем, которое созревает в наше время, на заре новой высшей эры человеческого существования. То, куда, например, зовет буддизм, — нирвана и есть, в восточной интерпретации, онтологический план Всеединства, скрываемый под пространственно-временным «покрывалом Майи». Но ложь буддизма в том, что он призывает **покинуть** этот возмужавший актуальный план существования и уйти в **созерцаемый** онтологический план, а дело в том, чтоб этот последний реализовать в актуальном плане. В этом общий смысл Истории. Не уйти из времени и пространства, а преодолеть их, не бежать от мира, а преобразить его. — Такова противоположность путей пифагорейского теологического мирозерцания, отрицающего мир и прометеевского титанического, преобразующего его. Отсюда вышеотмечавшееся характерное для нашей эры вхождение в мир категории бесконечности и творческая актуализация идеи всеединства в противоположность древним представлениям о них, как о потусторонних, лишь созерцаемых реальностях. Для Уланинад «весь мир только греза мировой души, греха Абсолютного — для нас он — пробуждение его, восстание Абсолютного. Мировое Становление есть становление, восстание Бога, есть его Актуализация. Можно сказать вообще, что если за познанием мира надо обращаться к Западу, то за познанием человека следует обращаться к Востоку. Проме-

теевское же фурнитационное мирозерцание, поскольку оно осуществимо, знаменует синтез этих двух путей познания от субъекта и объекта, высшая идея которого, идея Становящегося Бога есть одновременно абсолютный принцип и для мира, и для человека. Но в качестве таковой, эта идея конституирует Историю, делая ее священной и тем самым, предельно мобилизуя творческую волю человека к миру.

Именно такое, в Истории преломленное, актуальное сознание универсальности всякого существования и всякого существа, к которому современный мир идет всеми путями своего познания и своей практики, ведет к сознанию универсальной ответственности каждого перед Всем и всех перед каждым. Если все содержится во всем, если «в каждом атоме вещества непрерывно отражается жизнь всего мира» и, следовательно, также обратно, то всякое малейшее активное проявление человека имеет всеобщее значение, всякий его творческий акт это мировое событие. Каждое малейшее изменение его существа есть космическое изменение. Подобно говорящему перед микрофоном, человек в каждый момент своего существования точно находится перед необозримым множеством сплошных космических зеркал, в которых в бесконечных отражениях-копиях фиксируется вся его жизнь, регистрируется, берется на учет каждый его поступок, каждая мысль, каждое малейшее движение. Его видит, слышит, ощущает вся вселенная, в которой в бесконечности воспроизводясь, живут все проявления его существования. Нет изолированной судьбы. Все участвует во всем. Все ко всему причастно. Тем самым, каждый в ответе за все и все ответственны перед каждым. Вся совокупность вины мира есть также моя собственная вина. И тогда мировое искупление есть также мое искупление. Повествуя о тождестве Брахмана и Атмана, т.е. Бога и человека, древняя индусская мудрость, усматривая в этом величайшую тайну, утверждала путь Спасения, как путь своего отождествления с Абсолютным. В этом же предел христианства, которого, однако, в нем достигает лишь один Христос. В действительности это предел всякого человека, к которому он стремится в качестве универсального существа, преображая мир, преодолевая пространственно-временные категории своей конечности и отъединения. В этом смысле Христос есть только идеал человека: не то, что было, а то, что должно быть. Ибо в таком идеале мир и человек — одно, объективное и субъективное выражение одного и того же. И Мировое Становление, История, как Становление Абсолюта, Бога, есть Становление Человека Богом, есть его объединение со Всем. Всему тождественный, присутствующий во всем, он вся тяжесть мира несет на себе, как свою собственную. Поэтому он тождествен со всем и поэтому все тождественно с ним. Такое сознание в человеке, поскольку оно в нем присутствует, есть сознание в нем абсолютного, есть мера бесконечности в нем, поэтому оно есть мера человека, как такового. Наибольший есть тот, кто наибольшее на себя взял. Человек измеряется тем, что он обнимает. И чем большее он обнимает, тем он больше. В этом правда велений поэта:

«И жизни Божески-всмирной
Хоть на миг причастен будь». (Тютчев).

Жажда творческого делания, подвига, силы души, влекущие к жертвенности, служению, все то вообще, что составляет элементы героического отношения к миру, есть голос и призыв нашего универсального существа с онтологической силой стремящегося к своей актуальности через единство свое со Всем. В таком чувстве приобщен-

ности ко Всему усматривали характерную черту Гете, в действительности это черта каждого значительного человека. Так именно неоднократно и определяли природу гения. Но тогда в глубине существа своего гениален **каждый** человек, ибо всякий человек в потенциальной ситологической природе своей всему причастен, со всем един. И в актуализации этого его существа и заключается его заданность. Подлинна поэтому не индивидуалистическая «любовь к ближнему», которая ограничивает, а универсалистическая любовь к миру, — к Целому, к Общему, которая абсолютизирует, реализуемая в Общем Деле преобразования мира, в Истории. Отсюда — не теологический Путь Спасения, путь Аскезы, а прометеевский фуританический путь — путь Творчества — Труда.

Таким образом, в этом принципе единства всего со всем, принципе универсального всеобщего Братства, достигается гармонический синтез абсолютного утверждения личности человека — с одной стороны и предельного пафоса Общего — с другой стороны.

По обыкновению, **идеологически** извращая в качестве мыслителя свои собственные гениальные интуиции художника, такой грядущий образ нового универсалистического человека по своему прозревал Достоевский: «У них не было храмов, но у них было какое то насущное, живое и непрерывное единение с Целым вселенной; у них не было веры, зато было твердое знание, что когда восполнятся их земная радость до пределов природы земной, тогда наступит для них и для живущих, и для умерших, еще большее расширение соприкосновения с Целым вселенной». («Сон смеявшего человека»).

Но универсалистический принцип единства всего во всем является первоосновным положением обуславливающим и возможность безграничной мощи человека, его всемогущества, так как таким образом он находит во всем свое продолжение и восполнение, с одной стороны и имеет возможность все обнять, включить в пределы своего досягания, своего воздействия — с другой. Но самое высокое значение этого принципа, как полагающего собой категорию бесконечности, в утверждении на его основе новой и высшей идеи бессмертия, — бессмертия через присутствие во Всем, через приобщенность к бесконечности. В этом не только правда, но и высшая значительность правды. «Тот, что лежит там, ведь это я! Это вы! В этом высокое величие!». (Гауптман — «Михаэль Крамер»).

И действительно, если все содержится во всем, если «дрожание малейшего атома» отражается «во всем мире», то гибель одного существа означала бы гибель всего мироздания, поскольку такое существо представляет собой положительную **онтологическую** реальность, является **ценностью**. Поэтому это не только единственное реально возможное, но и единственное нравственно должное понятие бессмертия, так как конституируется отношением к ценности, отношением Любви. Отрицательное, — уродливое, злое, как онтологически не реальное, лишено причастности к онтологическому порядку единства всего со всем, лишено поэтому бессмертия.

К этой высшей идее бессмертия современное знание идет всеми путями своего развития. И прежде всего, конечно, путями дальнейшей актуализации отношений единства всего со всем. Все вообще, что мы здесь утверждаем, есть лишь интегральный вывод — попытка **Синтеза** основных результатов достигнутого человечеством знания. Современная психология считает доказанным, что «подсознательное» не знает времени, не знает смерти. На путях же, которыми идет Бергсон, возможны даже более широкие обобщения такого рода: «Длительность, это — непрерывное развитие прошлого, вбирающего в се-

бя будущее и расширяющегося по мере движения вперед. Но если прошлое растет непрерывно, то оно и сохраняется бесконечно». («Творческая Эволюция»). «Мы вправе думать, — говорит д-р Луйтон, — что не только наши радио-концерты и световые изображения прошлого, но и все наши мысли, даже самые сокровенные, одинаково бессмертны, как общее свойство всех проявлений эфира, свойство, которое можно будет использовать в будущем».

Смутное и частичное осознание такой высшей идеи бессмертия было некоторым эмбриональным образом выражено в связи с современной теорией прогресса, когда говорилось о бессмертии в своем создании, в своем жизненном деле, в грядущих поколениях, в народе, человечестве и т. п. Оно — глубочайший побудительный мотив всех стремлений человека, постоянно ищущего своего утверждения в другом, в Общем, в пределе, следовательно, во Всем, в бескопечности.

Из смертной рвется он груди
И с беспредельным жаждет слиться.

Поэтому, в соответствии со сказанным о различии между онтологическим и феноменологическим порядком бытия, это бессмертие через присутствие во всем, через приобщенность к бесконечности есть не только данность, но и заданность. Данное потенциально в онтологическом порядке Всеединства, оно подлежит актуализации в Мировом Становлении — Восстании, как заданность. Единный со всем и, следовательно, бессмертный в онтологическом порядке бескопечности, человек смертен в раз'единенном пространственно-временном феноменологическом порядке конечности. Поэтому победа над пространственно-временными отношениями конечности и раз'единения, осуществляемая в Мировом Становлении, Истории, как творческом преображении мира, как гармоническом объединении всего со всем, есть путь к актуализации универсального бесконечного существа человека, все вмещающего и во всем пребывающего, путь к его **преобразженному Восстанию — Воскресению** в качестве вседлинного Абсолюта, Бога.

Этот путь творческого объединения всего со всем, как титанический путь преодоления пространственно-временной необходимости, путь творческого преобразования мира, свидетельствует, что дело Спасения есть Общее Дело всех, в котором все соучаствуют в осуществлении судьбы каждого и каждый участвует в осуществлении судьбы всех. И дело это — История. Присутствуя во всем, ко всему приобщенные, мы соучаствуем в каждом акте творчества, в каждом акте возникновения, ибо в силу единства всего со всем, творческое достижение каждого есть достижение всех и достижение всех есть достижение каждого. «Все живые друг за друга держатся и все увлекаются одним и тем же ужасающим порывом. Животное находит точку опоры в растении, человек — в животном; и все человечество, в пространстве и во времени, есть великое войско, скачущее рядом с каждым из нас и впереди, и позади каждого, в стремительном натиске, способном сокрушить все, что стоит на пути его и опрокинуть многие преграды, может быть даже смерти». (Бертсон — «Творческая Эволюция»).

Подводя итог всему изложенному, можно заключить его системой трех исчерпывающих доказательств будущего Всеобщего Восстания — Воскресения. В исходе Мирового Становления, Истории грядущее **всесовершенное** человечество, в качестве такового, должно быть **всеединным, всеблагим и всемогущим**. В качестве всеединного, предполагающего в себе все, оно в соответствии с принципом един-

ства всего со всем, с онтологической необходимостью должно осуществить это Всеобщее Восстание — Воскресение, — и таково главное **онтологическое** доказательство последнего; в качестве всеблатого, поскольку смерть есть величайшее зло, оно должно это осуществить с абсолютной нравственной необходимостью, преодолев смерть, как величайшее уродство, зло, несправедливость, — и таково второе **моральное** доказательство необходимости его; в качестве же всемогущего, оно реально это сможет осуществить, — и в этом третье **реализационное** его доказательство.

Такова триединая система основных положений грядущего осуществления Абсолютной Жизни и в нем преодоления смерти, грядущего творческого всеразрешающего Торжества — гармонического Всеутверждения. Это Всеутверждение явится **Апофеозом** Истории.

П. Боранецкий.

ФАКТЫ К УКРАИНСКОМУ ВОПРОСУ

Одной из целей Германии и Австро-Венгрии в великую войну, было расчленение России. То, чего не удалось сделать врагам России, было сделано отчасти ее бывшими друзьями: значительные куски ее территории были оторваны и не для кого не секрет, что соседи России воспользуются всяким удобным случаем, чтобы расширить свои границы за ее счет, расчленив ее на ряд «независимых» государств. В случае удачи они на долго будут избавлены от страха перед Москвой и получат возможность широко распространить сферы своего влияния в этих новых образованиях.

Если такая политика соседей вполне понятна: каждый народ и каждое государство хочет сделаться великим, то совершенно непонятно более чем благосклонное отношение к этому стремлению широких кругов эмиграции: русских, украинцев и представителей других народностей, входящих в состав России. Злобу за провал их мечтаний и ненависть к большевизму они переносят на весь русский народ, на все государство.

Самодержавие изжило себя и пало, большевизм будет тоже изжит и перед Россией будут открыты великие возможности. Залогом этому служит ее огромная территория с ее неисчислимыми богатствами.